

Яцек Углик
Образ поляков
в романах и публицистике Ф. М. Достоевского

Настоящий доклад является попыткой определить слабые стороны творчества гения, понять двойственность Достоевского — гуманиста и шовиниста, способного унижать людей других национальностей. Как это возможно, что именно он, как никто другой среди великих писателей, выражающий огромное сочувствие к страдающим соотечественникам, так примитивно презирал иностранцев? Наши рассуждения сосредоточатся на эпизодической, но ярко зарисованной у Достоевского фигуре позера-поляка, для которого у него не хватило сострадания. Следует, однако, подчеркнуть, что поднятая в статье проблематика не ограничивается одним лишь польским вопросом, так как страницы романов Достоевского исполнены вражды также по отношению к французам, немцам и евреям¹.

Внимательное чтение позволяет обнаружить у автора *Кроткой* некий общий принцип изображения людей. Два типа образов, которые мы встречаем в романах Достоевского, далеки друг от друга и друг другу противоположны. Рисуя обиженного человека или человека тщеславного, подлого и наглого, писатель подробно рассматривает своего персонажа, находя в себе сострадание для него². Однако, когда речь идет о человеке, в характери-

---

© Jacek Uglik, 2011

<http://www.utoronto.ca/tsq>

¹ Николай Бердяев писал по этому поводу: «Достоевский обнаруживает настоящую ксенофобию, он терпеть не может евреев, поляков, французов и имеет уклон к национализму». См. Н. А. Бердяев, *Русская идея*, Москва 2000, с. 61.

² Степан Яновский — врач и друг писателя — вспоминал: «сейчас ему не на уме никакие апоплексии, так как он занят сбором денег для одного несчастного пьяницы, который, не имея средств пить, упиваться и, наконец, опохмелиться, ходит по дачам и предлагает, чтобы его били за деньги.

стике которого на первый план выдвинута его национальность, тогда, как правило, в Достоевском пробуждается шовинист и достаточно ограниченная личность, которую он также вмещал в себе и которую, о чем свидетельствуют источники, довольно рано объявил миру: «Осенью 1846 г. Достоевский решил стать самым выдающимся писателем России. Это не было внезапное, непродуманное решение. Достоевский носился с ним по крайней мере лет восемь, однако его извещение произошло довольно бурно: среди бела дня, в центре Петербурга писатель остановил идущего с противной стороны Ивана Тургенева и, коверкая слова, стал кричать:

— Я никого не боюсь, никого! Лишь дайте мне время, а я втоптаю вас в грязь!

Следующие слова погрязли в слюне и ругани³. Указанная в этом анекдоте малоизвестная сторона личности автора *Преступления и наказания* обнаружилась в его творчестве после возвращения из ссылки — в опубликованных в начале шестидесятых годов XIX века *Записках из Мертвого дома*, где Достоевский впервые заговорил о надменных, противных поляках, с предубеждением смотревших на окружающих, с отвращением избегавших всех остальных⁴, что впоследствии послужило основной причиной возненавидеть их⁵. С того момента мотив «жалких полячков» проходит красной нитью через все творчество писателя. Итак, в *Игроке* чи-

---

Рассказ Федора Михайловича <...> нес в себе столько гуманизма, столько сострадания к жалкому пьянице <...>. Федор Михайлович почти все свои деньги раздавал людям, которые были хотя бы немного беднее его, а иногда — просто таким, которые не были беднее, но умели у него — безгранично доброго человека — выманить деньги». Цит. по: S. Janowski, *Z lat młodości*, [В:] Z. Podgórzec (сост.), *Okrutny talent. Dostojewski we wspomnieniach, krytyce i dokumentach*, Kraków 1984, с. 50—51.

³ В. Urbankowski, *Dostojewski — dramaturg humanizmów*, Warszawa 1978, с. 6.

⁴ В этом духе пишет Збигнев Подгужец: «Весьма вероятно, что записки нашего соотечественника Шимона Токажевского, не столько отражающие факты, сколько воспроизводящие атмосферу лет, проведенных вместе с писателем на каторге, являются ключом к пониманию неблагоприятного отношения Достоевского к полякам. Впечатлительность писателя заставляла его выступить в защиту несчастных политических преступников и, с другой стороны, критически отнестись к сознательно обособляющейся группе польских политических ссыльных. Бесспорно, это во многом объясняет его неблагоприятность к другим нациям. Цит. по: Z. Podgórzec (сост.), *Okrutny talent*, указ. соч., с. 7.

таем: «В Париже и на Рейне, даже в Швейцарии <...> так много полячишек и им сочувствующих французиков, что нет возможности вымолвить слова, если вы только русский⁶»; и далее в таком же тоне: «тут-то и подскочил полячок. <...> Бабушка все время нещадно ругала его, и хоть тот беспрерывно „стелился под стопки паньски“, <...> я сам видел своими глазами, убей бог на месте, — тут же у ней со стола воровал. Она его сама раза два на столе поймала, и уж костила она его, костила всяческими-то, батюшка, словами, даже за волосенки раз отдергала, право, не лгу, так что кругом смех пошел»⁷. Это типичный уже образ поляка — вора и наглеца, от которого нет отбою.

Вопрос, приходящий в голову при чтении Достоевского, краток: «Почему?». Откуда в русском писателе столько презрения по отношению к полякам? Вопрос обоснован, тем более, что — как было уже упомянуто — Достоевский едва ли не единственный среди классиков литературы писатель, способный склониться перед «подпольным человеком», перед человеком униженным, блуждающим, отстраненным из поля жизни. Мы попытаемся найти удовлетворительный ответ на поставленный вопрос, рассматривая три, присутствующих в литературе предмета, аспекта интересующей нас проблематики, указать нерасположение писателя к полякам в трех планах: политическом, этическом и религиозном.

---

⁵ В *Записках из Мертвого дома* Достоевский называет фамилии следующих польских политических ссыльных: М-цкий — Александр Мирецки (Aleksander Mirecki), сосланный за патриотическую пропаганду Демократического кружка и участие в заговоре; Т-кий — Шимон Токажевски (Szymon Tokarzewski), соратник ксендза Сцегенного (предпринявшего попытку организовать восстание в 1844 г.), сосланный в 1848 г. за участие в заговоре и восстание 1846 г.; Б-ский — Юзеф Богуславски (Józef Bogusławski), сосланный дважды: в 1845 г. по делу Конарского и в 1848 г. Автор мемуаров (*Wspomnienia Sybiraka. Pamiętniki Józefa Bogusławskiego*, «Nowa Reforma» 1896, № 249—294); Ж-кий — Феликс Юзеф Жоховски (Feliks Józef Żochowski), профессор-физик, арестованный 8 мая 1848 г. в Варшаве за произнесение патриотической речи, в которой призывал оказать помощь повстанцам на территории Великопольски. Подробные сведения на тему вышеназванных ссыльных можно найти в обширной монографии, посвященной судьбам поляков в Сибири: Michał Janik, *Dzieje Polaków na Syberii*, Kraków 1928.

⁶ Ф. М. Достоевский, *Полное собрание сочинений в тридцати томах*, т. 5, Изд-во Ленинград 1973, с. 210.

⁷ Там же, с. 280—281.

1. Политический аспект

Первое объяснение негативного образа «полячка» дается в *Записках из Мертвого дома*, а также в связанных с этим романом рассуждениях⁸ польского ссыльного, пребывавшего с писателем на каторге в 1850 г., который писал: «Достоевский ненавидел поляков, поскольку по чертам лица и по фамилии, к сожалению!, видно было польское происхождение. Утверждал, что если бы знал, что в венах его течет хотя бы одна капля польской крови, велел бы немедленно выпустить ее. Как больно было слушать, когда этот заговорщик, ссыльной во имя свободы и прогресса, сознавался в том, что лишь тогда почувствует себя счастливым, когда все народы окажутся под властью России. Он никогда не говорил, что Украина, Вольнь, Подолье, Литва, вся Польша, наконец, это захваченные территории, утверждая, что все эти земли являются извечной русской собственностью, что рука Божьего правосудия отдала эти провинции, эти края под царствование России, так как они не могли существовать самостоятельно. Слушая эти доказательства, мы убеждались в том, что Федор Михайлович Достоевский в некоторых вопросах страдает умственной извращенностью. Он же с пристрастием постоянно повторял эти абсурды»⁹.

О взаимоотношениях между писателем и польскими повстанцами Токажевский рассказывает как о столкновении двух враждебных друг другу миров: Востока (России) и Запада (Европы); намекая на то, что писатель, русский шовинист, ненавидел поляков как врагов царизма и России (о которой писал: «Все эти

---

⁸ См. Sz. Tokarzewski, *Siedem lat katorgi*, Warszawa 1907.

⁹ Sz. Tokarzewski, *Siedem lat katorgi*, цит. по: Z. Podgórzec (red.), *Okrutny talent. Dostojewski we wspomnieniach, krytyce i dokumentach*, Kraków 1984, с. 87. В книге, посвященной писателю, Станислав Мацкевич вражду между Достоевским и Токажевским объясняет политическими причинами, см. S. Mackiewicz (Cat), *Dostojewski*, London 1993, с. 62. В другом фрагменте монографии Мацкевич пишет: «Восстание 1863 г. вызывает у Достоевского спазм ненависти к полякам. В это время он впервые побывал за границей <...> и везде встречался с крикливой симатией к полякам и с презрением по отношению к России. Это произвело на него очень сильное впечатление, так как любое унижение вызывает у него сильную реакцию. Вернулся на родину с душой, исполненной ненависти, как к Западной Европе, так и к полякам». S. Mackiewicz (Cat), *Dostojewski*, указ. соч., с. 102.

полтора века после Петра мы только и делали, что выживали общение со всеми цивилизациями человеческими, — роднение с их историей, с их идеалами»¹⁰), которая готова служить всему человечеству даже в ущерб собственных интересов. Эти факты дают основание причислить Достоевского к ксенофобам и националистам. Это мнение, возможно, может не вполне удовлетворить исследователей творчества Достоевского, но в большой степени оно обосновано приведенными фактами. Ведь значительно позже, в 1877 г., Достоевский пишет о «сочувствии поляков к туркам и о их тайном желании усложнить положение России революционной агитацией»¹¹, в свою очередь Ян Кухажевски обращает внимание на восхищение Достоевского Бисмарком, который главного врага Германии усматривал в католической Франции, предрешая ее судьбу: «Францию ждет судьба Польши, и политически жить она не будет»¹². Сам Достоевский не оставляет сомнений в его национализме, ибо как толковать в пользу автора *Братьев Карамазовых* следующие цитаты из его произведений? «Колоссальная пощечина в воздухе: да и что ж делать, коли эту щеку нельзя не бить (речь идет о необходимости занять Константинополь — Я. У.). <...> А потому, чтоб не было вражды ни греков с славянами, ни славян между собою, и не было бы поэтому ни измен общему славянскому делу, ни предательства его Англии, — потому и нужно, чтоб Константинополь достался в руки сильной посредствующей державы, до того сильной, что с нею спорить уж нельзя будет, а потому ей и достанется опека (самая благодетельная) над освобожденными славянскими племенами. И, главное, чтоб Россия тут одна была...»¹³. И далее: «Польская война есть война двух христианств — это начало будущей войны правосла-

---

¹⁰ Ф. М. Достоевский, *Утопическое понимание истории*, [В:] тот же, *Полное собрание сочинений в тридцати томах*, т. 23, *Дневник писателя*, Ленинград 1981, с. 46. См. также: J. Kucharzowski, *Od białego caratu do czerwonego*, t. 2, Warszawa 1998, с. 135.

¹¹ Ф. М. Достоевский, *Римские клерикалы у нас в России*, [В:] тот же, *Полное собрание сочинений в тридцати томах*, т. 26, *Дневник писателя*, Ленинград 1984, с. 56.

¹² J. Kucharzowski, *Od białego caratu do czerwonego*, т. 2, указ. соч., с. 290. См. также: Ф. М. Достоевский, *Опять в последний раз «прорицания»*, [В:] тот же, *Полное собрание сочинений в тридцати томах*, т. 26, Ленинград 1984, с. 89.

¹³ Ф. М. Достоевский, *Записная тетрадь 1876—1877 гг.*, [В:] тот же, *Полное собрание сочинений в тридцати томах*, т. 24, Ленинград 1982, с. 289.

вия с католичеством, другими словами — славянского гения с европейской цивилизацией»¹⁴. Из вышеприведенных цитат ясно следует, что Достоевский считал поляков¹⁵ предателями этого общего дела и одновременно приверженцами выродившегося Запада; в новых границах писатель не предусматривал места для поляков из Старой Польши: «наведут они к нам Конрадов Валленродов, предателей, поляк Старой Польши инстинктивно, слепо ненавидит Россию и русских»¹⁶. Иронией судьбы является запрещение еженедельника Достоевского «Время» в 1863 г. по поводу статьи Николая Страхова, который якобы выступал в защиту поляков. Огорченный писатель в письме Ивану Тургеневу отозвался на эту несправедливость следующим образом: «Вы знаете направление нашего журнала: это направление по преимуществу русское и даже антизападное. Ну, стали бы мы стоять за поляков? <...> Мысль статьи была такая: что поляки до того презирают нас как варваров, до того горды перед нами своей европейской цивилизацией, что нравственного (то есть самого прочного) примирения их с нами на долгое время почти не предвидится»¹⁷. Вот в чем заключается причина ненависти Достоевского к полякам: их восстание против русской державы, стремящейся к объединению славян; отчаянные усилия польского народа и его мечта о независимости доводили националиста-Достоевского (думающего максималистски, как, по его мнению, должен думать каждый истинный россиянин¹⁸) до бешенства. Поэтому он и от-

---

¹⁴ Ф. М. Достоевский, *Записная тетрадь 1863—1864 гг.*, [В:] тот же, *Полное собрание сочинений в тридцати томах*, т. 20, Ленинград 1980, с. 170.

¹⁵ О Польше говорит: «наша западная окраина», см. Ф. М. Достоевский, *Римские клерикалы у нас в России*, указ. соч., с. 56. В другом месте добавляет: «знайте, что никогда не будет Старой Польши. Есть Новая Польша, Польша, освобожденная царем (...). Старой Польши никогда не будет, потому что ужиться с Россией она не может», см. Ф. М. Достоевский, *Летняя попытка Старой Польши мириться*, [В:] тот же, *Полное собрание сочинений в тридцати томах*, т. 26, *Дневник писателя*, Ленинград 1984, с. 58—59.

¹⁶ Ф. М. Достоевский, *Летняя попытка Старой Польши мириться*, указ. соч., с. 58.

¹⁷ Ф. М. Достоевский, *Полное собрание сочинений в тридцати томах*, т. 28, *Письма*, Ленинград 1985, с. 34.

¹⁸ «Если великий народ не верует, что в нем одном истина (именно в одном и именно исключительно), если не верует, что он один способен и призван всех воскресить и спасти своею истиной, то он тотчас же перестает быть

вергал «минималистов-полячков» с их бесконечной болтовней о Польше, являющейся лишь «нашей западной окраиной». Для Достоевского поляки представляли собой один лишь этнографический материал.

2. Этический аспект

Кроме вышеприведенной попытки объяснить польский вопрос боевым духом польских повстанцев, противоречащий представлениям писателя о Великой России, царствующей над славянами, можно привести так же интересный пример, основанный на случае Родиона Раскольникова, так как параллель между польским вопросом и случаем Раскольникова представляется довольно отчетливо. Именно этот мотив мы находим в очерке Ежи Стемповского¹⁹, который писал: «Поляки, и те, которых он видел на каторге, и те, которые изображены в его романах, несмотря на самую страшную степень падения, никогда не доведены до той степени порицания, в которой оказывается Раскольников, когда он становится на колени на рынке. В отличие от него, они находят утешение в философии или религии, что Достоевскому кажется лицемерием»²⁰. Почему лицемерием? Поскольку они всегда нерушимо стоят на своем, не отступают от своих убеждений, императивов, идеалов, держатся избранного пути. Тюрьма и кандалы лишь укрепляют дух ссыльных. Они стоят вопреки всему.

В свою очередь, Раскольников решил убить «Человека» и «доказать брренность общечеловеческих сверхиндивидуальных нравственных законов»²¹. Однако, Раскольников потерпел поражение — совершил убийство, которое показало, что все-таки не все дозволено. И что ж? Достоевский не клеймит убийцу Раскольникова, но, наоборот, преклоняется перед ним, жалеет этого

великим народом и тотчас же обращается в этнографический материал, а не в великий народ». Ф. М. Достоевский, *Собрание сочинений в пятнадцати томах*, т. 7, *Бесы*, Ленинград 1989, с. 240.

¹⁹ Речь идет об очерке Е. Стемповского под заглавием *Polacy w powieściach Dostojewskiego*, опубликованном в 1931 году.

²⁰ J. Stempowski, *Polacy w powieściach Dostojewskiego*, [В:] тот же, *Chimera jako zwierzę pociągowe. 1926 — 1941*, сост. J. Timoszewicz, Warszawa 2001, с. 89.

²¹ A. Walicki, *Osobowość a historia*, Warszawa 1959, с. 89.

больного человека. Почему? Поскольку Раскольников кается, стоит на коленях на Сенной площади и целует русскую землю, которую он осквернил. Зло, которое он совершил, стало его бременем, его частью, которую он не вправе отвергать, так как право судить его принадлежит лишь Богу. Эту мысль о роковой роли зла Достоевский довел до крайности: своих героев он намеренно погружает в злодеяние и опускает в бездну так глубоко, как только это возможно, надеясь, что, «только оттолкнувшись от абсолютного дна, они смогут возродиться»²².

Как же обстоит дело с поляками? Поляки, мало того, что восстали против великой России, они продолжают оставаться надменными и спесивыми²³, верят в свое предназначение и призвание Польши — *Христа народов*. Они отказываются покаяться по образцу Раскольникова. На этой почве все сводится к непониманию. Происходит столкновение двух чуждых друг другу миров, двух культур, дело доходит до конфронтации внутри мнимого единства — среди славян и христиан. Нельзя свести католицизма к православию и нельзя делать то, к чему стремится Достоевский: требовать от человека проникнуть в мир чужой и незнакомый. Христианство разделилось на две части, таким образом, жизнь Раскольникова несоизмерима с судьбой поляка: невозможно сопоставлять убийцу и борца за свободу. Разница существенна: поляк не согрешил и не находит в себе греха. Но Достоевский отрицает это, так как для него грех свойствен человеку как такому. Поэтому и нет у Достоевского сочувствия к полякам и наоборот. Поляки не будут смиряться. Обе стороны ненавидят друг друга. В таком же духе, ссылаясь на очерк Стемповского, объясняет неблагосклонность Достоевского к полякам также Чеслав Милош:

---

²² Z. Kałużyński, *Straszní Polacy, święta Ruś*.

<http://docs9.chomikuj.pl/8853020,0,1,Straszní-Polacy,święta-Ruś.pdf>

²³ Это фрагмент наиболее существенной, с точки зрения рассматриваемого вопроса, сцены из *Братьев Карамазовых*: «За Польшу, панове, пью за вашу Польшу, за польский край! — воскликнул Митя. <...> — Теперь за Россию, и побратаемся! <...> Все, кроме панов, выпили, а Грушенька выпила разом весь свой стакан. Панове же и не дотронулись до своих. — Как же вы, панове? — воскликнул Митя. — Так вы так-то? Пан Врублевский взял стакан, поднял его и зычным голосом проговорил: — За Россию в пределах до семьсот семьдесят второго года! (т. е. в границах до первого раздела Польши — Я. У.) <...> Дурачье же вы, панове! — сорвалось вдруг у Мити». Ф. М. Достоевский, *Братья Карамазовы*, Paris 1995, с. 383—384.

«Поляки приводили Достоевского в негодование своей невинностью. Может ли человек считать себя невинным, если самой жизнью погружен в грех? Уголовники, с которыми Достоевский сидел на каторге, принимали свое наказание как что-то полагающееся. Он сам также признавался (в письмах друзьям) в своей вине перед государством. Поляки, сосланные в Сибирь, презирали уголовников, будучи убеждены в том, что они мученики святого дела, приговоренные к ссылке «чужим государством, которое судить их не было вправе»²⁴. В этическом аспекте мы имеем дело с внутренним конфликтом, отличным от указанного раньше. Мы исходим из одного базиса — поляков-каторжников, однако, в отличие от конфликта, описанного ранее, где столкновение интересов происходит вне, где спор идет в политическом плане, здесь мы имеем дело с конфликтом, помещенным в человеке, а суть этого конфликта заключается в самой сущности человека и понятии греха. Для Достоевского чтобы грешить, достаточно быть человеком, для поляков, чтобы грешить, надо действительно согрешить.

3. Религиозный аспект

Следующее, рассматриваемое нами противоречие польского вопроса происходит на религиозной почве и указано посредством контраста — через конфликт между католичеством и православием (таким образом, речь идет о формальной религиозности, не имеющей отношения к духу). Поляки воспринимались Достоевским как отождествление католицизма²⁵, т. е. того искажения христианства, осколка истинной веры, которое извратило учение Христово. Достоевскому хватило лишь этого формального отождествления, чтобы ненавидеть поляков как народ. Мотивы, подтверждающие эту концепцию, появляются в *Дневнике писателя*²⁶,

---

²⁴ *Źródła leżą w zachodniej Europie*, Чеслав Милош отвечает на вопросы Збигнева Подгурца, «Literatura na Świecie» 1983, № 3 (140), с. 8.

²⁵ См. на эту тему: М. Bohun, *Fiodor Dostojewski i idea upadku cywilizacji europejskiej*, Katowice 1996, с. 77—93; А. de Lazari, *W kręgu Fiodora Dostojewskiego. Poczwiennictwo*, Łódź 2000, с. 77—85.

²⁶ См. Ф. М. Достоевский, *Римские клерикалы у нас в России*, [В:] тот же, *Полное собрание сочинений в тридцати томах*, т. 26, *Дневник писателя*, Ленин-

Идиоте (тирада князя Льва Мышкина)²⁷, *Братьях Карамазовых* (Легенда о Великом Инквизиторе)²⁸, а также в *Бесах* (злое умозаключение Шатова)²⁹. Об этом говорит также Милош: «Книги, читанные в его родном доме, напр., *История государства российского* Карамзина или некоторые английские готические романы, в умах его поколения отождествляли католицизм с интригами иезуитов (для него — в особенности польских), с темницами Инквизиции, светской властью папства...»³⁰. Этот односторонний взгляд писателя удивляет; он противоречит образу Достоевского — защитника униженных и оскорбленных. Заставляет задуматься присущий в его творчестве примитивный стереотип — немец, француз, поляк чужды ему как представители выродившегося Запада. «Евреи, по его мнению, это процентчики, фран-

---

град 1984, с. 54—56.

²⁷ «[Католичество] нехристианская вера, во-первых! — в чрезвычайном волнении и не в меру резко заговорил опять князь, — это во-первых, а во вторых, католичество римское даже хуже самого атеизма <...>. Атеизм только проповедует нуль, а католицизм идет дальше: он искаженного Христа проповедует, им же оболганного и поруганного, Христа противоположного! <...>, католицизм даже и не вера, а решительно продолжение Западной Римской империи <...>. Папа захватил землю, земной престол и взял меч <...>, все поменяли за деньги, за низкую земную власть. И это не учение антихристово?!». Ф. М. Достоевский, *Собрание сочинений в пятнадцати томах*, т. 6, *Идиот*, Ленинград 1989, с. 543—544.

²⁸ Инквизитор отвергает Христа: «мы взяли от Него (сатаны — прим. Я. У.) Рим и меч кесаря и объявили лишь себя царями земными, царями едиными <...>. Я воротился и примкнул к сонму тех, которые *исправили подвиг твой*. <...> То, что я говорю тебе, сбудется, и царство наше созиждется. Повторяю тебе, завтра же ты увидишь это послушное стадо, которое по первому мановению моему бросится подгрести горячие угли к костру твоему, на котором сожгут тебя за то, что пришел нам мешать». Ф. М. Достоевский, *Братья Карамазовы*, Paris 1995, с. 237, 239. И хотя Алеша возражает против такого образа католицизма, зерно ненависти уже посеяно Достоевским.

²⁹ «Рим обоготворил народ в государстве и завещал народам государство. Франция в продолжение всей своей длинной истории была одним лишь воплощением и развитием идеи римского бога, и если сбросила наконец в бездну своего римского бога и ударилась в атеизм, который называется у них покамест социализмом, то единственно потому лишь, что атеизм все-таки здоровее римского католичества». Ф. М. Достоевский, *Собрание сочинений в пятнадцати томах*, т. 7, *Бесы*, Ленинград 1989, с. 239—240. См. также: J. Ku-charzewski, *Od białego do czerwonego caratu*, т. 2, указ. соч., с. 432—435.

³⁰ *Źródła leżą w zachodniej Europie*, указ. соч., с. 6.

цузы — сутенеры, француженки — женщины легкого поведения, поляки — гордецы и обманщики»³¹. Эта цитата ни в коем случае не лишена опоры³², но обоснована всем литературным наследием Достоевского (во всей своей полноте — от *Бедных людей* до *Братьев Карамазовых*), которое показывает, что эта проблема намного шире, чем может казаться. И этот стереотип вмещает в себе также особенно отчетливый польский элемент³³.

Зыгмунт Калужиньски причисляет Достоевского к писателям Православной Церкви, считавшейся преемницей греческого христианства — первоначального и истинного. Пытаясь объяснить неблагосклонность автора *Бесов* к полякам, Калужиньски довольно интересно аргументирует свой вывод: «Евангелии написаны на греческом языке, христианские общины возникли в эллинистическом мире, там же проповедовали св. Петр и Павел. Этому миру принадлежит Галилея, а проживающий в этом городе Христос никогда не побывал в Риме и не пользовался латынью»³⁴.

---

³¹ Там же, с. 7—8.

³² «Кроме русского, не было фактически народа, о котором Достоевский высказывался бы с симпатией. Даже болгар и греков, будучи православными нациями, подозревал в предательстве и измене истинному православию. Общеизвестным был его антисемитизм. Можно, отчасти, понять его неблагосклонность к татарам, однако содействие *от всей души* выселению крымских татар и призыв на их место колонизовать русских, так как в другом случае *на Крым непременно набросятся жиды и умертвят почву края*, ставят под сомнение тезис о том, что Достоевский являлся величайшим гуманистом в истории человечества...», A. de Lazari, *W kręgu Fiodora Dostojewskiego. Poczwiennictwo*, указ. соч., с. 117—118. См. также: D. I. Goldstein, *Kwestia żydowska*, przeł. A. Elbanowski, «Literatura na Świecie» 1983, № 3, с. 89—102; Ф. М. Достоевский, *Выезд за границу. Нечто о русских в вагонах*, [В:] тот же, *Полное собрание сочинений в тридцати томах*, т. 23, Ленинград 1981, с. 55; Ф. М. Достоевский, *Геок-Тепе. Что такое для нас Азия?*, [В:] тот же, *Полное собрание сочинений в тридцати томах*, т. 27, Ленинград 1984, с. 35.

³³ «Достоевский ненавидел Европу, в особенности ненавидел католицизм. Часто упоминал также Францию как первую дочь католической Церкви. Однако, я готов предполагать, что когда Достоевский пишет с неблагосклонностью о Франции, думает о Польше. Латыно-католическая Польша находилась ближе России, а в то время принадлежала России. <..> Славянский мир может соединиться вокруг России, лишь прокляв Польшу — думал. Создал тип *полячка, полячишки*, постоянно убеждающего о своей чести, а в действительности — обманщика и негодяя. Такой именно тип навещает по очереди почти все его романы», S. Mackiewicz (Cat), *Dostojewski*, указ. соч., с. 173.

³⁴ Z. Kałużyński, *Straszni Polacy, święta Ruś*, указ. соч.

Разница между западным и восточным христианством заключается в природе святых. Святой римской Церкви — это идеальный, кристальной чистоты человек. В свою очередь, для православия «святость связана с властью: среди двенадцати монархов, царствующих в течение трех столетий, семеро были объявлены святыми»³⁵. На этой почве возникали разногласия на уровне верховных властей обеих Церквей. Римские святые были идеальными людьми, поэтому и Западная Церковь требовала от своих верующих стремления к идеалу: стремиться к совершенству и порицать зло. Такой подход противоположен православному, где — о чем уже говорилось — грех считался человеческим свойством. Человек страдает, потому что грешит и продолжает совершать зло. Однако, в действительности, все обстоит как раз наоборот: зло вместе с добром в известной степени создают человека, и не следует скрывать его настоящего облика под маской обманчивых впечатлений.

А кто является представителями Западной Церкви, католицизма? Поляки! Гордые, непреклонные и надменные сторонники римского вероисповедания, исполненные веры в Польшу — мессию народов, защитники отвлеченной теории Добра и Зла — чуждых друг другу сил. Зло следует давить и уничтожать. Таким образом, как простить человека, который не признается (подобно изображенным в романах полякам) в грехе, который отрекается от себя как от грешного существа? Как ему подняться со дна, если он всегда видит себя на вершине, сверх малых мира сего, и оттуда посматривает на нищих, уголовников и проституток? В глазах Достоевского поляки являлись жертвами, с которыми на каторге он хотел сблизиться, но, проявив по отношению к нему гордость, они стали для него падшими людьми, лишенными возможности приобрести настоящую Человечность и вернуться к истинной Церкви и к Христу. Поляки оставались в грехе, оттачивали грешников с их грязными душами, изменяя тем самым учению Христову. Именно таким же образом на каторге поляками был отвержен и Достоевский, когда пытался сблизиться с ними. Поляки отнеслись к нему как к агитатору православия и отвернулись от него.

---

³⁵ Там же.

Кто-нибудь может спросить: «Хорошо, но откуда ненависть писателя к полякам³⁶, показанным в романе *Игрок?*». Нелегко ведь будет обсуждать изображенных в произведении разбойников и азартных игроков родом из Польши с политической, этической или религиозной точек зрения. Это неоспоримо. Однако, нам кажется, что Достоевский оставался верным один раз избранному пути, что отразилось и в романе *Игрок*, в котором писатель придерживается созданного им раньше искаженного образа поляка. Его удовлетворяют поверхностные ассоциации: надменный, высмеянный и прогнанный... Это, конечно же, никто другой, это поляк. Ввиду этого, вполне справедливо заметил Стемповски: «когда только он хочет [Достоевский — Я. У.] нарисовать отвратительных персонажей, вызывающих у читателя чувство ужаса или стыда, он вводит на сцену поляков <...>. Именно в этих местах страдающие болезненным самолюбием поляки, среди общего скандала, опознаны как обманщики и негодяи»³⁷. Поляк стал для Достоевского символом проигравшего и безрасудного человеческого существа. Когда писатель хотел изобразить именно такого человека, он обращался к образу «полячка» и ситуация сразу становилась понятной. Этот гордец, изображенный в *Игроке*, представляет собой своего рода итог трех, указанных нами, трактовок польского вопроса — именно этот персонаж показывает — в довольно юмористическом произведении — что используя образ поляка, Достоевский стремился показать человеческое тщеславие и самовлюбленность.

У Достоевского были, по крайней мере, три повода ненавидеть поляков: они восстали и согрешили против Великой России, отреклись от истинной веры — православия и, наконец, извратили Человека, отвергая присущий ему грех (таким образом, мы приходим к трехплановой трактовке проблемы, учитывающей политический [национальный], религиозный и этический аспект).

---

³⁶ «Даже тогда, когда бабушка, совсем все проигравшая, возвращалась вечером в восемь часов в отель, то и тут три или четыре полячка все еще не решились ее оставить и бежали около кресел, по сторонам, крича из всех сил и уверяя скороговоркой, что бабушка их в чем-то надула и должна им что-то отдать. Так дошли до самого отеля, откуда их наконец прогнали в толчки». Ф. М. Достоевский, *Полное собрание сочинений в тридцати томах*, т. 5, *Игрок*, указ. соч., с. 283—284.

³⁷ J. Stempowski, *Polacy w powieściach Dostojewskiego*, указ. соч., с. 71—72.

Наши попытки решить *польский вопрос* далеки от совершенства — нелегко убедительно доказать, что ненависть писателя к полякам была обоснована. С другой стороны, мы можем поменяться ролями и убеждать, что поляки имели право ненавидеть писателя: ведь Великая Россия уничтожала и грабила польский народ, Православная Церковь объявляла святыми убийц, и, наконец, грешник-Раскольников, к которому обращается писатель, просто убивал, в то время, как поляки защищали себя, свой народ и государство. Все же остается открытым вопрос, почему грешник-Достоевский, несмотря на все, не преклонился перед грешными поляками, почему не оказал им столько сердечности и сочувствия, сколько Соня Мармеладова оказала Раскольникову — изначально так же гордому и непреклонному духом как поляки?